

Мухтар Ауэзов

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

После победы Октябрьской революции казахская интеллигенция, поверившая в провозглашенные большевиками лозунги и лучшее будущее, искала пути скорейшего прогрессивного развития своего народа, обращаясь к опыту других стран. Так появилась статья М. О. Ауэзова «Япония».

Впервые она была опубликована в 1918 году в №№ 4–5 журнала «Абай». Журнал, основанный Жусупбеком Аймаутовым и Мухтаром Ауэзовым, знакомил читателей с творчеством Абая, а также печатал материалы, посвященные общественной и духовной жизни казахского общества, вопросам науки, культуры, образования и социальным проблемам. Он выпускался в течение года и был закрыт властями по идеологическим соображениям.

На протяжении долгих десятилетий эта статья была неизвестна широкой публике и лишь в 1988 году, после перевода с арабской графики на кириллицу, вновь увидела свет в № 8 журнала «Мәдениет және тұрмыс». В 1997 году она вошла в первый том 50-томного академического полного собрания сочинений Мухтара Ауэзова на казахском языке (Алматы: Ғылым, Жибек жолы, 1997–2011), выход которого был приурочен к столетнему юбилею писателя.

В феврале – марте 1960 года группа советских писателей в составе Степана Щипачева, Леонида Леонова, Олеса Гончара и Мухтара Ауэзова побывала в Соединенных Штатах Америки. Они совершили поездку по стране, познакомились с жизнью ее жителей и американской культурой, участвовали в различных встречах и пресс-конференциях, где обменялись взглядами с представителями разных слоев населения. Впечатления, вынесенные из этой поездки, и легли в основу очерка.

По словам дочери писателя Л. М. Ауэзовой, Мухтар Омарханович взялся за него летом 1960 года во время отдыха в Чолпон-Ате. Однако внезапная болезнь не дала закончить задуманного – он успел надиктовать на машинку лишь первую часть предполагавшегося большого очерка.

Найденный в архиве писателя уже после его кончины, он был впервые опубликован в четырех июльских номерах газеты «Қазақ әдебиеті» за 1964 год, а позднее вошел в третий том собрания сочинений М. О. Ауэзова в двенадцати томах (Алматы: Жазушы, 1967).

На русском языке публикуется впервые.

ЯПОНИЯ

В наши дни преодолеть состояние отсталости, необразованности, уничтожения и в короткие сроки встать вровень с теми, кто находится на передовом уровне развития, для любого народа задача не из легких. Во времена прежней односторонней, бесхитростной и непросвещенной грубой силы быстро достичь какого-либо прогресса можно было с превеликим трудом и лишь собственными усилиями народа вкупе с умелой политикой его лидеров. Ну а в наше время существует масса всевозможных условий для того, чтобы невежественный народ влился в ряды передовых. И когда эти требования всеми поголовно будут глубоко осознаны и со знанием дела, неумной энергией и полной отдачей, не щадя себя и не жалея средств, выполнены, только тогда можно питать надежды от достигнутого.

Ныне для любого народа, стремящегося к развитию, одной из основ служит наличие своей запоминающейся истории, которая на протяжении многих сотен лет вела его к дню сегодняшнему. Если обратиться к Японии, этот исторический путь вызывает какое-то особое сострадание, но она, сумев подняться, возмужать и расцвести с опорой на собственные силы, вынудила весь мир ощутить уязвленное самолюбие и зависть.

Причина, по которой Япония, прежде отсталая и обособленная от мировой жизни, не ведающая, в каком положении находится сама, а в каком другие народы, вышла из состояния изоляции, – это неудержимая жажда цивилизованных стран, таких как Англия, Франция, Голландия, воспользоваться ее невежеством.

В первой половине XVIII столетия стала бурно развиваться торговля Америки и европейских держав с Китаем, а на пути, связывающем их друг с другом, находилась Япония. Поэтому развитые страны развернули свою торговлю и внутри Японии, что обернулось откровенным высасыванием ее ресурсов. После того как японцы ощутили урон, наносимый стране более образованными народами, они решили запретить им переправу в Китай через свою территорию. Однако Америка, стоявшая во главе этих процессов, и европейские державы вынудили Японию снять запрет и вновь разрешить переправу. Названные события произошли в 1853 году. У японцев тогда не было оружия, с которым можно было противостоять экспансии. Наступило время, когда японский народ, лишаясь самобытности, стал легкой добычей хитроумных и алчных просвещенных чужаков. Это послужило поводом для пробуждения в японцах вьвшего в кровь национализма и горячей решимости. Не осталось иного выхода, как направить против коварного и ненасытного врага оружие, аналогичное тому, с каким пришел он, и опереться на его же порядок. Осознавшие сложившееся положение вожди и заступники народа, жертвуя собой, искали новый путь. Благодаря их устремленности в 1868 году пришла эпоха Обновления, или Реставрации¹.

До периода Обновления, хотя в Японии и был микадо (император), вся верховная власть находилась в руках никому не подчинявшегося правителя сёгуна. Первоначально сёгунов назначал император, но в последующем они обрели значительную силу, и последняя сёгунская династия Токугава на протяжении 265

¹ Полное название – *Обновление Мэйдзи*, либо *Реставрация Мэйдзи*; период революционных преобразований, когда был упразднен сёгунат – государственный строй, при котором вся власть принадлежала главе военной администрации сёгуну, было восстановлено прямое императорское правление, принята конституция и создано централизованное государство в виде конституционной монархии. – *Пер.*

лет удерживала уровень неограниченной власти. Большинство сёгунов многими своими деяниями наносили урон народу и империи, поскольку, с одной стороны, не были подобием императора, на которого народ возложил все государственные обязанности, а с другой стороны, обладали огромной силой. Результатом преобразований 1868 года стало свержение последнего правителя из рода Токугава и ликвидация режима сёгунов, которую осуществили возглавившие Обновление защитники народа. И еще одна перемена. Раньше каждым племенем² в Японии управлял даймё, то есть князь. Даймё собирали дань с подвластного им населения и держали при себе отряд могучих воинов или армию. В силу того, что сами даймё были людьми необразованными и очень властными, они своими действиями причиняли большой вред стране. Реставрация и их смела с насиженных мест.

Однако нельзя сказать, что после 68-го года Япония сразу шагнула в нужном направлении. Прошло немало лет, прежде чем укоренившееся невежество было понемногу изжито и прежде чем удалось преодолеть трудности перехода от старого к пониманию нового. Время, когда Япония взяла точный курс и действительно приступила к продвижению вперед, началось с 1885 года. В этот период в стране по-настоящему слаженно взялись за науку. Ну а желание увлечься околонучными знаниями и, научившись у других народов, пооткрывать фабрики и заводы, было и во времена сёгунов.

Говорят, причиной прогрессивного развития Японии в поздний период эпохи Обновления послужили два события. Первое: главой кабинета министров страны стал маркиз Ито. Это самый выдающийся лидер Японии, именно под руководством Хиробуми Ито были предприняты действия, в результате которых изменен тип действующей монархии, а страна, изолированная от других народов, наладила с ними отношения и ступила на путь развития науки. Министры кабинета теперь несли ответственность перед народом. Была принята конституция, власть императора, по сравнению с прежней, стала намного слабее. Эти перемены принес 1889 год. Последний представитель императорской династии, покоровшись введенным новшествам, удержался на своем престоле. Благодаря происшедшим преобразованиям в стране установилась справедливая власть. Правительство и народ стали ближе друг к другу, воцарилось равноправие. Народ теперь сам выбирал главу исполнительного органа.

Второй причиной прогрессивного продвижения Японии явилась японо-китайская война 1894 года. После этого вооруженного конфликта в стране с особо заметным энтузиазмом взялись за развитие науки, экономики и торговли. К примеру, в 1880 году в Японии насчитывалось 310 торговых пароходов, а в 1899-м их число выросло до 1221. В 1888 году стоимость всех поступающих и вывозимых из Японии товаров составляла 98 миллионов иен (1 иена – 1 рубль 29 копеек). В 1900 году товарооборот приблизился к полумиллиарду иен. По данным учета в сфере просвещения за 1901 год, среди мальчиков, кому по возрасту пришло время учиться, школьниками стали 94 процента (94 из 100), среди девочек – 81 процент. Это достигнутые цели. Такие результаты – вдохновляющий пример, ценный исторический опыт, который вселяет в каждое сердце надежду стать такими же, придает решимости и энергии.

Сразу после начала Обновления японская молодежь хлынула туда, где сложились кузницы науки. Единственная цель и заботливое желание всех молодых

² Имеется в виду население удельной территории, княжества. – Пер.

людей, разъехавшихся по разным странам, – сделать Японию счастливой. По этой причине, изучив европейские науки, они немедленно возвращались на родину и внедряли полученные знания. Прибывающие в какую-нибудь страну для получения образования японцы интересовались действующим порядком правления, типами хозяйства, политикой взаимоотношений с другими державами (дипломатией), а уезжая на родину, брали с собой множество различных предметов и изделий по разным сферам деятельности, которые могли стать полезными для развития их страны. Японская элита, отправлявшаяся по делам в любую европейскую державу, возвращалась домой с подробными сведениями о том, какие в этих странах существуют обязанности, сопутствующие добрым делам, какие там есть новации, которых хотелось бы достичь.

Япония не следовала слепо за всем, что делалось в Европе. Любое приобретенное знание внимательно изучалось, анализировалось, а применялось лишь лучшее, наиболее подходящее к местным условиям. В связи с этим японский профессор (...) сказал: «Мы должны быть готовы усвоить все лучшее, что есть на Западе, но в то же время не забывать и то хорошее, что есть у нас».

Когда начался период Обновления, в Японии возникла острая потребность во всевозможных специалистах и профессионалах разного профиля. В Европе таких людей было великое множество. Поэтому японцы начали приглашать с Запада профессоров и квалифицированных специалистов. Однако перед прибывающими из-за рубежа поставили условие: не внушать обучаемым ученикам то, что может нанести вред японской нации; тех, кто был замечен в подобных действиях, к работе больше не допускали. В настоящее время и ученых, и специалистов, приехавших с чужбины, в Японии, можно сказать, не осталось. По данным 1900 года, иностранных профессоров, живших на тот момент в стране, насчитывалось лишь около десятка. Уменьшение их количества связано с тем, что появилось много собственных ученых и знатоков своего дела, поэтому иностранцев стали увольнять одного за другим, а на их места ставить своих специалистов.

Поскольку и японский император, и министры были людьми высокообразованными, по возвращении из зарубежных поездок они, не жалея сил и средств, начали внедрять в Японии достижения науки и искусства. Если у обучившейся на Западе японской молодежи были добрые намерения служить своему народу, то высокопоставленные чиновники, прежде всего сами, становились ей помощниками и содействовали осуществлению желанных новшеств. А вот еще одно завидное качество, которое способствовало прогрессивному продвижению Японии, – это коллективная сплоченность и солидарность руководителей и специалистов в профессиональной среде. Поставленная кем-то цель становилась общей целью, и эта общая цель, в первую очередь, не должна была нанести урон укреплению страны. А во-вторых, ни в коем случае не осложнить жизнь народа.

Таким образом, сегодня Япония на прямом пути к усилению своей мощи, а ее население с рождения приучено к постоянной работе. Японцы – трудолюбивый, энергичный, прилежный народ. Об этом с восхищением говорят европейцы: «Для восточных народов характерно одно качество: люди, которые с юных лет были усердными и целеустремленными, повзрослев, становятся менее цельными, их усердие блекнет, и они начинают отлынивать от работы. Японцы же к упорной целеустремленности, сызмальства свойственной восточному человеку, с годами добавляют двужильную работоспособность западных народов».

* * *

В прошлом номере я рассказал о том, каким образом Япония так быстро освободилась от состояния темного невежества, и коротко описал ее путь. Теперь напишу о том, какую пользу принесли ей в последующее время напряженный труд ради избавления от этой темноты, и о плодах этих усилий.

Лидеры Японии, крайне осторожные в прежние времена, когда страна была еще далека от вершин развития, никогда не забывали о том, что удалось избежать войн и сохранить в целостности народ, пока не окрепло и не созрело его новое поколение. Об этом в их среде бытовало такое мнение: «Пусть наши отношения с заграничными народами будут мирными и учтивыми, а внутри страны как особая ценность свободно развиваются искусство и знания». Поэтому приехавших извне авторитетных гостей, которые могли послужить образцовым примером, пускали в страну беспрепятственно и предоставляли им полную свободу. Соседний Китай, опасавшийся, что Японию захватят и подчинят себе чужеземцы, так вольно себя там чувствующие, воспринимал это как собственную уязвимость. Размышляя об этом, японцы усиленно трудились, стараясь не пробудить Китай от спячки. В итоге, торопясь скорее избавиться от угрозы со стороны ненасытного соседа, Япония сумела поднять свою науку сразу на несколько ступеней.

Но каких бы высот на пути развития науки и искусства ни достиг народ, так быстро влившийся в ряды передовых, он может допустить ошибки, если, увлекшись крупными делами, не удостоит вниманием массу мелких, но нужных процессов. Нельзя считать, что можно перешагнуть через множество полезных дел, так как главная цель – стать сильнее. Наука, мощь в какой бы то ни было народ вливаются понемногу, постепенно, умело встраиваются и вызревают, а за просто установившееся никогда не будет по-настоящему крепким. Невозможно быстро освоить все, чего другие народы достигали медленно, шаг за шагом. Такой односторонний, однобокий подход станет понятен, если мы изучим внутреннюю ситуацию в стране. Для начала рассмотрим развитие образования.

Сразу после начала Реставрации правительство Японии выпустило указ об обязательном всеобщем образовании. Согласно этому указу, дети, достигшие шести лет, должны пройти школьное обучение. По школам нижнего уровня и университетам Япония следовала европейским образцам. К примеру, в 1880–1890 годах в Европе действовало множество университетов самого разного направления, открылись такие и в Японии. Число японских студентов, окончивших эти университеты в 1890–1900 годах, составило 3126 человек.

Большая трудность, с которой и по сей день сталкиваются здешние учащиеся, заключается в том, что китайская и японская литература сплелись воедино еще в давние времена. Причиной такого объединения послужило то, что китайский язык заполнил японскую письменность и в конце концов вытеснил японский. Поэтому в Японии в ходу два разных языка – книжный и разговорный, которые совершенно чужды друг другу. Учащимся необходимо сначала ознакомиться с китайским языком, а потом еще и выучить другой иностранный язык.

Теперь перейдем к положению женщин в Японии. В прежние времена японских женщин считали не заслуживающими внимания, по обычаю древних прадедов их воспринимали только с точки зрения продолжения рода. Сегодня под влиянием новых веяний от этой традиции отказались, и мужчины признали женщин в качестве уважаемых членов общества и допустили в свои ряды. Для девочек начали

строиться школы нижнего и высшего уровня. Распорядок японских женских школ в одном аспекте превосходит современные женские школы Европы. Во время учебы девочка должна научиться в какой-то степени вести домашнее хозяйство. Европейских девушек, дабы не отстали от жизни, занимают лишь односторонней учебой, поэтому они мало приспособлены к домашнему хозяйству и становятся неуклюжими, как мужчины, а во всех женских школах Японии усердно воспитывают и хозяйственные навыки. Японские школьницы проживают вместе. Если в школе, например, пятьсот учениц, их делят на группы по двадцать человек и во главе каждой ставят какую-нибудь взрослую женщину. Девочки внутри группы воспринимают ее как мать, и между ними устанавливаются доверительные отношения, словно между старшей и младшими сестрами. Заботы по хозяйству: ежедневное приготовление еды, стирка, уборка помещений и другие необходимые домашние дела, а также учет – все это ложится на плечи школьниц. Девочки, изучая школьные науки, и пополняют свои знания, и приобретают полезный для жизни хозяйственный опыт. Это – особый тип обучения, к которому пришла Япония, заметив недочеты в школьном образовании других народов.

Для того чтобы поставить Японию в один ряд с европейскими странами, помехой являются ее религиозные предрассудки. Японцы не тот народ, который исповедует одну веру, с незапамятных времен они придерживаются нескольких религиозных направлений. Поклоняются и Будде, и Конфуцию. Помимо этого, Китай и Япония зачастую не могут продвинуться на передовые позиции потому, что им мешают застарелые традиции прадедов, которые они ревностно соблюдают. Это, например, почитание духов умерших, то есть культ предков. Обычаи, подобные этому, и всевозможные темные суеверия порождают один вред. Буддизм выступал против таких предрассудков, но, не сумев наставить народ на путь истины, сам в них погряз, утратил прежнюю чистоту и свет. Конфуцианство тоже боролось с этими древними традициями, однако и его влияние не проникло глубоко в сознание японских прихожан. Изжить до конца обычаи прадедов не сумело и европейское влияние.

Сила старых традиций особенно явственно проявляется в процессе бракосочетаний, разводов и в процедуре наследования. В понимании японцев нет ничего хуже в этом мире, чем остаться бездетным. Поэтому жену, которая не родила ребенка, можно спокойно выгнать. Считается, что род обрывается, если жена не родила наследника, а если обрывается род, то будут забыты и духи предков. В Японии также существует традиция сохранять неизменной кровь по ветви отца. При выборе супруги требуется взять в жены дочь сородича, близкого по крови отцу. Если возьмешь дочь другого рода, кровь изменится, а это нарушение традиции. Когда жена загуляла и грех открылся, ее тоже прогоняют прочь. И причина даже не в том, что женщина согрешила и совершила предательство по отношению к своему мужу, гораздо хуже, что она своим поступком решила попортить кровь его отца. Эти традиции сильны до сих пор. Многие образованные японцы, не признавая их, обратились к другой религии. Некоторые вообще ни во что не верят, значительная часть населения придерживается курса европейских философов. Во многих случаях Японию меняет и христианская вера. А современным школьникам не преподают никакую религию.

Наконец обратимся к ситуации с японской прессой. Регулярные газеты начали выходить в Японии примерно в 70-е годы XIX столетия. Но знакомство с печатным изданием состоялось гораздо раньше. В начале XVIII века в Японии вышла самая

первая газета. В то время страна не поддерживала взаимоотношений ни с какими другими странами кроме Китая. В связи с этим не было никакой полезной информации, которую можно дать в газете, да и сама газета, отпечатанная на дощечке, была крайне неудобной. В таких изданиях публиковались только новости, и дальше ближайшей округи они не распространялись. После эпохи Реставрации, в 1899 году, в стране выпускалось 978 газет и журналов. Среди них – специализировавшиеся на политике, науке, литературе. Так как не было изобилия печатных изданий, литература Японии не особо процветала. С того момента как она зародилась, прошло немало времени. Однако японская литература все еще придерживается старых традиций. Если взглянуть на прогресс в разных сферах, то наиболее отставшей представляется именно литература. Относительно этого обстоятельства люди, хорошо знающие ситуацию в Японии, говорят, что японцы с такой самоотдачей занялись работой в других направлениях, что до литературы у них просто руки не дошли. Вследствие этого в Японии мало книг, которые, воспитывая в человеке гуманистическое начало, разясняли бы глубинную суть мироздания.

Но не стоит считать, будто просвещенные японцы не обладают глубокими научными знаниями. Японские ученые служат науке наравне с европейскими. Например, в сейсмологии – науке, изучающей землетрясения, вполне достаточно японских специалистов, так что ученых-европейцев среди них нет. Первым японцем, преуспевшим в этой науке, был Секия. Помимо него, есть и другие японцы, которые своим трудом обрели большую известность и внесли достойный вклад в ряд научных дисциплин.

1918

АМЕРИКАНСКИЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

С середины февраля до середины марта нынешнего года я побывал в поездке по Америке. Проведя в такой удивительной стране, как США, почти месяц, считаю своим долгом рассказать нашим читателям обо всем, что увидел там и узнал, поделиться полученными впечатлениями и вообще кое-какими посещавшими меня время от времени мыслями. Но прежде чем приступить к этому, хотел бы обратиться к уважаемым читателям с просьбой учесть три разных обстоятельства.

В своих записках я собираюсь поведать о тех сторонах и фактах, которые послужат дополнением, пускай и весьма скромным, к тому, о чем читателю уже известно, с чем он знаком или о чем, возможно, догадывался. Пусть увиденное и прочувствованное мною присовокупится к тому, что знает осведомленный читатель, сам побывавший в Америке. Пусть усвоенные мною знания пополнят те, что некоторые друзья почерпнули из книг об американской жизни. Если же кто-либо из читателей исследовал Америку как ученый, изучал с научной целью отдельные направления ее государственного, общественного и хозяйственного развития, состояние искусства и культуры, пусть они прибавят к своему багажу какие-то новые сведения, подмеченные и услышанные нами, проникнутся открывшимися нам картинами. Это и есть то первое обстоятельство, которое я, обращаясь к читателю, прошу держать в памяти при ознакомлении с моими впечатлениями об Америке.

Второе – я описываю лишь прямые ощущения от того, что видел сам, чему был непосредственным свидетелем. Прежде всего, я не считаю себя путешественником. И мои записки вовсе не основательный путевой труд. Для постановки столь ответственной задачи необходимы соответствующие условия. Ведь тот, кого называют путешественником, отправляется в какой-то неизведанный регион, государство или в гущу какого-то народа на длительный срок и благодаря тщательному и всестороннему изучению с помощью различных средств и методов множества отраслей науки постигает их бытие во всех его проявлениях. Поэтому написанный им материал, являясь путевым исследованием, пополняет знания читателя и, сделав множество успешных открытий в разных сферах науки, превращается в труд, расширяющий и обогащающий всеобщую историю культуры. Именно такую поездку следует называть путешествием, а появившийся в итоге труд – его обстоятельным описанием.

Вдобавок ко всему есть еще одна, третья причина, по которой я прошу читателя не считать мои записки исследованием подобного рода: это обстоятельства, вытекающие из особенностей самих Соединенных Штатов Америки.

Прежде всего, это очень крупное и великое государство. Его культура насчитывает более чем двухсотлетнюю историю, если брать во внимание лишь позднюю американскую эпоху. Государственное и общественное строительство, историческое развитие, высокоразвитая технически производственная культура, наука и искусство Америки – это очень сложные явления, в каждом из которых собственные, складывавшиеся в течение долгого времени особенности, быстрорастущее многообразие, свои противоречия и законы развития. Даже если взять для примера только состояние и ход современного строительства городов и регионов множества штатов Америки, выявятся такие пласты и наслоения, изучить и понять которые мимолетному путнику нелегко.

По этой причине, пробыв в Соединенных Штатах в общей сложности всего один месяц, я увидел и открыл для себя лишь немного, поэтому не собираюсь вести речь как человек, хорошо познавший этот сложный и многообразный мир. Короче говоря, я пишу не как ученый-исследователь и не как специалист в какой-то определенной области американской жизни. Вместо этого, в меру своих возможностей, я постараюсь в форме простого, живого, незатейливого рассказа передать то, что видел своими глазами, слышал собственными ушами и о чем непосредственно размышлял (мысли, напрямую связанные с увиденным и услышанным).

Если мне удастся написать на таком уровне, что читатель вместе с конкретными фактами познает те же чувства, получит те же впечатления, какие выпали мне, то это я и считал бы своей целью на данный момент. Итак, уважаемый читатель, давайте направимся к берегам Америки.

ВАШИНГТОН

Первый пункт, куда мы приземлились, перелетев через Атлантический океан и достигнув побережья Америки, – это нью-йоркский международный аэропорт Айдлуайлд³. Расположенный на приличном отдалении от города, в часе езды от самого Нью-Йорка, Айдлуайлд выделяется своей особенной, неповторимой панорамой, сильно отличающейся от аэропортов других государств мира.

³ Ныне Международный аэропорт имени Джона Кеннеди. – *Пер.*

Если, вспоминая Соединенные Штаты Америки, взять конкретно город Нью-Йорк, то многие его места, кажущиеся издали отдельными, обособленными частями, в действительности гармоничное целое, что можно понять уже по самому аэропорту. И вправду, такой центр международных сообщений, как в Нью-Йорке, словно бы сам говорит об этом. Здесь расположен не один, а примерно двадцать аэропортов. Каждый принадлежит отдельной крупной авиакомпании. Одна из множества таких компаний – скандинавская SAS, которая и доставила нас в Америку. Подобные ей крупные авиаперевозчики – французская, голландская, другие компании, наладившие международное воздушное сообщение с Нью-Йорком, построили в Айдлуайлде собственные аэропорты. Естественно, свои воздушные гавани есть здесь и у нескольких внутренних американских авиакомпаний. Таким образом, на огромной, обширной общей территории расположено множество различных аэропортов, и, хотя каждый из них возведен разными организациями, между ними есть объединяющее, характерное для всех сходство, которое можно назвать своеобразной архитектурной однотипностью. К любому из уровней двух-трехэтажных аэровокзальных сооружений можно подъехать на автомобиле. В каждом здании длинные-предлинные застекленные залы и просторные холлы с обилием света, в любом конце этих внушительных строений, во множестве уголков располагается огромное количество всевозможных магазинов, вместительных ресторанов и со вкусом убранных кабинетов.

Перед окнами автомобильных проездов быстро мелькают прозрачные стены залов – сначала первого, потом второго и третьего этажей...

Расскажу еще об одной интересной особенности, на которую обратил внимание, когда позднее из этого же аэропорта наша писательская группа вылетала в Калифорнию.

Вместе с провожающими мы ожидали вылета в одном роскошном, уютном кабинете, пока нам не сообщили, что можно выходить на посадку. Пол помещения, где мы коротали время, был устлан коврами красноватого цвета. Пройдя по ним к выходу, мы по таким же коврам двинулись в указанном направлении, а спустя несколько мгновений догадались, что находимся уже внутри лайнера и ступаем по ковру самолета, который должен доставить нас в Калифорнию. Причем догадались только по форме двух девушек-стюардесс, принимавших из наших рук верхнюю одежду. По моим наблюдениям, иногда пассажиры наиболее богатых авиакомпаний напрямик из красивых залов и кабинетов ожидания проходят сразу в салон самолета, минуя летное поле.

Позже мы столкнулись с этим еще в одном аэропорту Айдлуайлда. Правда, на этот раз не заезжали в сам Нью-Йорк, а собирались просто пересесть на другой самолет и вылететь в Вашингтон. Поэтому из одного аэропорта перешли в здание другой компании и там сели на рейс, отправлявшийся в столицу.

Когда самолет готовился к вылету, практически до самого взлета, мы с любопытством наблюдали за общим для всех аэропортов Айдлуайлда просторным летным полем. И заметили, что, пока определенные воздушные суда совершают посадку, в те же минуты и мгновенья не меньшее число самолетов поднимается в воздух. Только из нашего аэропорта за этот отрезок времени один за другим вылетели примерно десять рейсов, включая и наш.

Есть большие воздушные суда, есть поменьше. Среди них немало лайнеров, которые, подобно нашим ТУ и ИЛ-18, берут на борт свыше семидесяти пас-

сажиров. Одни самолеты двигаются по взлетной полосе, замедляя ход, другие же, наоборот, быстро набирают скорость. А некоторые сначала тихонько и плавно катятся, потом, остановившись, стоят какое-то время без движения, и, наконец, сорвавшись с места, разгоняются и пулей мчатся к точке взлета. словно величественные рыбы всевозможных родов и видов на дне таинственного океана или какие-нибудь другие самобытные обитатели морских глубин, самолеты медленно подплывают вплотную друг к другу; те, что поменьше стремительно проносятся мимо, а те, что покрупнее, замирают на несколько мгновений на месте, будто подремывают, и внезапно устремляются дальше – все это настолько напоминает морское дно и толщу воды, словно, взлетая и приземляясь, самолеты, подобно неповторимым созданиям, обитающим в бескрайнем подводном мире, каждым своим движением дают знать о присутствии жизни и своем существовании.

В общем, эти взлетающие и садящиеся самолеты снуют по гигантскому летному полю Айдлуайлда туда и сюда, вдоль и поперек, во все концы вышеупомянутых двадцати аэропортов.

Название Айдлуайлд поневоле воспринимается ухом казаха слегка забавно. Поверхностно, на слух звучание этого наименования напоминает казахское «айдың ауыл», то есть «лунный аул», хотя смысл слова и не соответствует этому. Если же обратиться к настоящему значению данного слова, то переводится оно как «дикое поле» и обозначает всего лишь название местности. Если Соединенные Штаты Америки являются одной из крупнейших стран международного сообщества, а самый большой американский город Нью-Йорк, где вместе с прилегающими окрестностями проживает 14 миллионов жителей, является крупнейшим городом планеты, то Айдлуайлд – это некая передовая, которая первой принимает всех путников, только что прибывших на побережье Америки с других материков, поэтому нельзя сказать, что название для места связи с миром выбрано эффектное, по-особому выразительное и соответствует Америке.

Через час после вылета из Айдлуайлда мы приземлились в Вашингтоне. Первые полтора дня и наши первые вечера в американской столице были заняты официальными встречами. В тот же день нас пригласили на прием вместе с представителями советского правительства во главе с товарищем Полянским⁴, которые уже успели совершить поездку по Америке и теперь собирались возвращаться на родину. Вечер проходил в Доме приемов. Этот старинный особняк хорошо известен общественности Вашингтона и ценится ею, так как связан со множеством памятных событий прошлого. Глава нашей делегации Степан Петрович Щипачев, прославленный в Союзе поэт, тонкий лирик, испытал на этом приеме, в доме, где он проходил, необычайно трепетное ощущение, особенно когда узнал и оценил некоторые исторические подробности.

Самый любимый и почитаемый Щипачевым американский поэт – великий Уолт Уитмен. Оказывается, в пору своей молодости Уитмен работал санитаром именно в этом здании. Так что в комнатах и залах, различных проходах и коридорах особняка, где мы в тот вечер бродили среди множества приглашенных, – везде нынешний гость, советский поэт, ощущал теплые следы, остав-

⁴ Д. С. Полянский – советский государственный деятель, на тот момент председатель Совета министров РСФСР.

ленные его выдающимся кумиром, творчество которого расширило для него горизонты поэзии.

Званный вечер в Доме приемов советское посольство в Вашингтоне устроило для американских гостей как раз в день нашего прибытия, причем официальные лица из группы товарища Полянского сами встречали и по-хозяйски принимали всех приглашенных. В тот вечер и состоялось наше первое знакомство с жителями Америки. А немного раньше, днем, мы решали, в каких городах, в форме каких встреч, визитов, специально устроенных дискуссий провести выпавший в наше распоряжение месяц. Были точно расписаны и утверждены ежедневный календарь и путевой график. Нас как писательскую делегацию пригласил в США совет Американского просветительского общества. Всю свою деятельность это общество проводит при поддержке Госдепартамента и согласуясь с его руководством. Хотя в нашей делегации из четырех писателей был собственный переводчик, просветительский совет решил прикрепить к нам еще трех. Все они хорошо владели русским языком, а их общие сведения о Советском Союзе оказались довольно обширными.

Мы долго раздумывали, выбирали, анализируя и обсуждая, в каких городах и штатах побывать в течение месяца. В предложенном нам проекте поездки было запланировано посещение некоторых крупных производственных центров, таких как Чикаго. Посоветовавшись, мы решили, что посещать города, подобные Чикаго и Детройту, где сосредоточены известные передовые производства, не стоит. Причина тому одна: во время подобных визитов можно лишь понаблюдать со стороны за безмолвными рабочими, стоящими в цехах у «немых» станков и агрегатов, а побеседовать с кем-то, обсудить что-то в производственной обстановке просто невозможно. Куда лучше побывать в тех коллективах, в тех хозяйствах и центрах, где во время каждой встречи можно познакомиться ближе и пообщаться, обменяться перекрестными мнениями, лучше узнать друг друга. Помимо знакомства с такими городами Соединенных Штатов, как Нью-Йорк, Вашингтон и Бостон, мы договорились отправиться на другое, дальнее побережье этого обширного по своей географии государства, то есть на берег Тихого океана, чтобы увидеть хотя бы краешек такого знаменитого региона, как Калифорния. А затем наметили посетить один из штатов, считавшихся прежде царством пустынь, поскольку именно там располагаются теперь так называемые резервации – постоянные места проживания коренных жителей Америки индейцев. Таким образом, в течение месяца, если перечислять увиденные города и регионы по очереди, мы вслед за Нью-Йорком побывали в Вашингтоне, затем в Калифорнии, в частности в Лос-Анджелесе и графстве Фресно, далее в административном центре штата Аризона городе Фениксе; на обратном пути снова заехали в Вашингтон, потом провели несколько дней в Бостоне, а в завершение вернулись в Нью-Йорк и на следующий день, вылетев из вышеупомянутого аэропорта Айдлуайлд, оставили позади Америку и взяли курс в сторону европейского побережья.

Пока что я очень коротко, только пунктирно упомянул географию нашей поездки. Ну а теперь приступлю к подробному рассказу о том, где мы побывали, что увидели, зачем и с кем встречались, о чем слышали, что обсуждали, а также о том, какие из всего этого вынесли впечатления, что поняли и усвоили. А начнем мы прежде всего с того, что увидели, услышали и почувствовали в Вашингтоне.

1/VII–1960 г.

Одна из специально организованных встреч в американской столице началась с привычной пресс-конференции. На нее пришли около пятнадцати журналистов вашингтонских газет, которые хотели пообщаться с нами. Эта пресс-конференция не была ориентирована на какие-то сложные, широкие или же глубинные проблемы литературного процесса, о чем можно судить по опубликованным впоследствии в прессе итоговым сообщениям, а также по смыслу и содержанию всех прозвучавших вопросов и ответов. Вместе с тем можно сказать, что в вопросах американских журналистов, адресованных представителям советской литературы, не ощущалось какого-то предвзятого, враждебного настроения, если не считать отдельных, единичных случаев.

Что же касается непосредственно советской литературы, здесь интересовались лишь положением нескольких писателей, о которых общественность Америки особенно много шумит в последние годы.

В нашу делегацию, состоящую всего лишь из четырех писателей, входили два крупных представителя русской советской литературы – Леонид Леонов и поэт, руководитель группы Степан Щипачев. Еще один член делегации – глава писательской организации Украины, известный писатель-романист Олесь Гончар, а также я.

Поскольку конкретные вопросы касались фактов именно из жизни русской советской литературы, то отвечали на них Леонов и Щипачев. Журналисты спрашивали и о том, какие американские писатели наиболее известны в Советском Союзе, кого у нас больше читают. В этом случае с нашей стороны было приведено обилие конкретных данных. Например, сказано, что больше всего, причем не только на русском, но и на языках множества других братских народов Союза, у нас издают американских классиков во главе с Марком Твенем и таких современных писателей, как Хемингуэй, Митчелл Уилсон, поэты старшего поколения Роберт Фрост и Карл Сэндберг, драматурги Лилиан Хеллман и Артур Миллер, негритянский поэт Ленгстон Хьюз. Произведения этих писателей и многих других советские люди читают не только по-русски, но и на своих родных языках.

Журналисты, которые общались с нами на этой пресс-конференции, невольно открыли нам глаза на сложившуюся в стране ситуацию. Большинство американских читателей, похоже, даже не знают, что советская литература является многонациональной, многоязыковой, что она объединяет в себе многочисленный ряд родственных литератур. Наряду с этим было заметно, что, кроме отдельных имен, представляющих русскую советскую литературу, большая часть наших маститых писателей и множество видных произведений американцам не известны.

Причину этого мы поняли позднее, прояснив для себя в ходе поездок, встреч и совещаний. Отдельные журналисты снова и снова подсовывали нам в том или ином виде один и тот же вопрос по поводу некоего определенного писателя, вокруг которого в последние годы истории нашей литературы сложилась неординарная, особая ситуация. Причем задавали его не только собравшиеся в тот день на пресс-конференцию, он повторялся и во время многих других последующих бесед, встреч, собраний и дискуссий. В такие моменты мне всегда вспоминался своей открытостью и находчивостью ответ товарища Полянского, который он дал кому-то из американцев. В поездке по стране представителям его группы и лично ему не раз как нечто свеженькое задавали вопрос о событиях, происшед-

ших в Венгрии. Полянский неоднократно на него отвечал, но в конце концов не выдержал и сказал:

– Вопрос о венгерских событиях вы задаете всем, кто приехал с нашей Родины, на протяжении нескольких лет. У кого только и сколько раз ни спрашивали! Разве не пришла пора этому вопросу «поизноситься»? Или он превратился у вас в излюбленную жевательную резинку? Жуете и жуете: ни проглотить не можете, ни выплюнуть не решаетесь. Мне кажется, венгерская тема стала для вас именно такой жвачкой.

То же самое вполне можно сказать и по поводу вопросов об отдельных, упомянутых выше фактах в нашей литературе. По итогам пресс-конференции одна из крупнейших газет Америки «Вашингтон пост» дала лишь очень сдержанную и коротенькую информацию. После встречи с журналистами мы большую часть времени занимались осмотром достопримечательностей столичного города.

Посетили здание законодательной власти Соединенных Штатов Америки – Капитолий. Здесь располагается американский парламент – Конгресс. В тот момент, когда мы зашли в зал заседаний сената, там от имени южных штатов США выступал один сенатор. Недавно представители северных штатов и руководство правительства внесли на рассмотрение сената проект нового закона – билля, расширяющего права темнокожего населения южных штатов. Расовое неравенство в стране все еще очень заметно и особенно широко распространено на юге Соединенных Штатов. Неудивительно, что сенатор, представляющий интересы южных штатов, выступал против нового закона.

Ряды присутствовавших на обсуждении вопроса сенаторов были крайне редки, и стороннему наблюдателю это особенно бросалось в глаза. Спикер же (руководитель палаты) и вовсе казался скучающим, утомленным человеком, который насилу выдерживал свое положение. Однако сенатор, не обращая внимания на унылый вид слушателей, нисколько не смущаясь, медленно и старательно читал, доводя до сведения аудитории свое заключение, направленное против проекта и пространно изложенное на бумаге.

На верхних местах зала сената, предназначенных для гостей, можно было заметить расположившихся группами людей. Это простые американцы. Среди них есть и темнокожие, и индейцы. Поодаль сидят две женщины-монахини, одетые в традиционную черную одежду католиков и черные платки на белом подкладе. Осмотрели мы и зал Конгресса. Он намного привлекательнее, чем предыдущий, где заседает сенат. Можно сказать, это одно из самых красивых помещений всего Капитолия. В настоящее время там проводятся работы по ремонту и обновлению свода.

Следом мы совершили поездку по городу. Здания министерств, которых полно в Вашингтоне, одно грандиознее другого и отличаются разнообразной архитектурой. Одна из улиц целиком занята иностранными посольствами. Белый дом, в котором живет и работает президент Америки, выделяется большим, окаймляющим его парком. Выше всех сооружений возвысился ввысь белыйobelisk первому президенту США, чьим именем названа столица. Это памятник знаменитому президенту Джорджу Вашингтону. Дома в главном городе Америки большей частью не выше трех-пяти этажей. Между ними нет разделительных стен, оград, каких-то иных ограничителей. Поэтому один дом фактически напрямую соединяется с другим, украшая этот непрерывный ряд своим особенным,

неповторимым, сформированным в результате увлекательных поисков стилем и рисунком архитектуры.

В Вашингтоне изобилие зелени и много деревьев. Стволы необычайно высокие и ветвистые, с множеством крепких сучьев – наподобие величественных платанов. Обозревая город во время ознакомительной поездки, мы поняли, что Вашингтон резко отличается от Нью-Йорка. К тому же это один из самых красивых и самобытных городов Америки. Но поставить его в один ряд с Нью-Йорком не возможно, с какой стороны ни сравнивай. Они словно две далекие друг от друга, разноликие столицы двух совершенно разных государств.

Поскольку в Вашингтоне довольно много дипломатических представительств исламских стран, то есть и мечеть. На пятничный намаз сюда приходят послы и сотрудники посольств 17-18 иностранных государств. Как нам сказали, в самом Вашингтоне тоже есть свои мусульмане – около 500 постоянных жителей. Имам мечети – араб из Египта. Когда я поинтересовался у священнослужителя, как призывают правоверных к молитве, намекая на минарет, тот с улыбкой ответил: с этой целью мы используем современную радиотехнику. Оказалось, призывные азаны заранее записывают на пластинку, и пять раз в день с минарета вашингтонской мечети через репродуктор звучит запись, громогласно призывающая верующих к намазу.

Во время поездки по городу мы побывали в двух местах, которые можно назвать здешними наиболее крупными центрами культуры. Один из них – Библиотека Конгресса, второй – Шекспировская библиотека. Если не считать самого названия, то к законодательному собранию Библиотека Конгресса не имеет никакого отношения, это обычная государственная библиотека. Ее книжный фонд насчитывает одиннадцать миллионов томов. Внутри библиотеки находится 21 читальный зал. Общая структура здания сформирована по образцу знаменитого Британского музея. Затребованную книгу можно получить в течение 20 минут.

В Библиотеке Конгресса есть отдел, который называется славянским. Он занимает отдельное большое здание. С главным корпусом славянский отдел соединяется красивым подземным туннелем. Как нам сказали, в отделе порядка двухсот тысяч книг на русском языке. В настоящее время здесь выписывают ежегодно около восьми тысяч книг из Советского Союза. В том числе почти пятьсот украинских изданий и примерно полсотни книг на казахском языке из Казахстана. Особые связи в пересылке новых книг сложились у отдела с Тбилиси.

Каждому из нашей четверки писателей вручили каталог со списком наших собственных книг, собранных в Библиотеке Конгресса. Наряду с моими произведениями, переведенными на русский и английский языки, здесь еще находятся и труды о моем творчестве, написанные Зоей Кедриной и Айкыном Нуркатовым.

Второй заметный центр культуры в Вашингтоне – упомянутая нами Шекспировская библиотека. Говорят, это самая богатая из всех библиотек мира, посвященных эпохе и творчеству выдающегося драматурга. Оказывается, сюда часто приезжают исследователи Шекспира со всех концов земного шара. По существующей традиции, библиотека оплачивает дорожные расходы большинству из приезжающих. Здесь также хранится множество документов по истории Британии XVI–XVII веков. В самом центре библиотеки сооружена копия знаменитого шекспировского театра, где устроен музей. Сцена в театре двухэтажная. И театральные занавеса тоже два. Главное отличие от оригинала

в том, что театр самого Шекспира был под открытым небом, а библиотечный находится под крышей. И сама библиотека, и этот театр возведены на личные средства одного человека, его фамилия – Фоулджер. Согласно сложившейся ныне практике, Шекспировская библиотека старается собрать как можно больше фотографий, документов и фактических сведений обо всем, что связано с именем Шекспира, начиная с эпохи самого гения и до сегодняшнего дня. В каком бы государстве ни ставился новый спектакль по Шекспиру, на какой бы язык ни переводились его произведения – все должно найти отражение в библиотечном собрании.

Пользуясь случаем, я сообщил, что недавняя постановка на казахской сцене «Укрощения строптивой» принесла огромный успех и славу известным казахским актерам – народному артисту СССР Шакену Айманову и народной артистке Казахской ССР Хадише Букеевой, а директор библиотеки, в свою очередь, попросил меня прислать больше материалов и снимков об этом спектакле.

Помимо наследия самого Шекспира, в этой библиотеке немало трудов известных писателей и ученых, знаменитых в его время. Отдельно собрана группа книг, которые читал сам Шекспир; отдельно – те, на которых, возможно, учился. Кроме того, в библиотеке богатейшая коллекция исторических, архивных, литературных источников, послуживших, как считается, поводом для написания бессмертных трагедий и комедий.

Здесь также находятся документы эпохи английской королевы Елизаветы и короля Якова, источники времен Марии Стюарт, труды философа Бекона, переводы Макиавелли и даже карты 1616 года.

Еще одна особенность библиотечного фонда – большое собрание оригинальных экземпляров пьес, которые использовались суфлерами в театре Шекспира.

Гордость Вашингтона – Национальная галерея искусства. Там мы полностью осмотрели лишь зал новой графики и живописи. Американцы, конечно, стремились, в меру возможностей, собрать в этой галерее максимум интересных, заметных произведений как старинного, так и нового искусства. Поэтому в том зале, где побывали мы, есть и творчество признанных мастеров современного изобразительного искусства Сезанна, Ренуара, Клода Моне, Эдуарда Мане, Поля Гогена – в общем, всех знаменитостей. Представленная здесь как образец другой школы живописи «Тайная вечеря», написанная мощным испанским мастером философского направления Сальвадором Дали, изображает один из библейских мотивов. Иисус изображен здесь в виде туманного, размытого символа; должно быть, такие мистические находки – еще одно из направлений живописи, излюбленных американской эстетикой. В богатой коллекции галереи есть, естественно, и Пикассо. Встречаются также работы известного французского мастера Жана Люрса. Кроме того, мы видели в зале картины таких художников, как Матисс, Марке, Андре Дерен, многих других, редко встречающихся в таком количестве в одном месте.

Как-то вечером мы решили зайти в кинотеатр на одной из больших центральных улиц Вашингтона и посмотрели там картину «Джек-потрошитель». Не зря главный герой зовется потрошителем – сплошь одни ужасные и нелепые сцены насилия. Некий мужчина жестоко, орудуя огромным ножом, убивает одну за другой женщин, которых подстерегает в темных, глухих, безлюдных переулках. С каждой своей жертвой он расправляется всего одним-единственным ударом

в сердце. В фильме нет ни глубоких, сложных событий, ни особого смысла и содержания. А вся «интрига» заверчена вокруг огромного ножа, моря крови, убийств и смерти.

Кино и телевидение являются той отраслью американского искусства, что особенно широко распространяется в гуще населения, в массовой части общества, от стариков до юнцов, а наиболее привлекательными, собирающими огромные доходы произведениями, оказывается, бывают именно такие, полные кровавых ужасов фильмы. Начиная с этой картины, увиденной в одном из удобно расположенных в центре Вашингтона кинотеатров, мы сталкивались с подобными образцами еще не раз. Такое искусство, такое явление – и реальность, и беда современной Америки. Огромная беда, настоящий ее кошмар. Мы возьмем это на заметку и проследим ситуацию в других городах.

А пока, завершив на этом наши впечатления о Вашингтоне, отправимся в Нью-Йорк.

НЬЮ-ЙОРК

В Нью-Йорк мы приехали поездом. Позже еще не раз выпадут моменты, когда придется преодолевать расстояние между городами Соединенных Штатов Америки по железной дороге в самых разнообразных вагонах. Поэтому мы еще подытожим позднее все наши поездки, проведенные в поезде. А пока мы прибыли в Нью-Йорк и устроились в одной из больших городских гостиниц на Восьмой авеню – в отеле «Барбизон Плаза».

Как, вероятно, слышало большинство читателей, Нью-Йорк – особый город, отличающийся от всех городов мира. Первоначально он располагался на довольно небольшом по площади каменистом острове Манхэттене, затем занял и близлежащие острова. С давних пор, поскольку город рос, население увеличивалось, и территория островов становилась для него тесноватой, в Нью-Йорке один за другим стали строиться многоэтажные каменные дома, поднимаясь со временем все выше и выше.

Таким образом, уже в первое десятилетие нашего века Нью-Йорк с его двадцатиэтажными домами выглядел как город будущего. Позднее здания выросли до тридцатиэтажных, потом и сорокаэтажных, по-прежнему считаясь поразительным чудом своего времени. Спустя еще какое-то время пошла сказочная молва, рожденная достоверной реальностью, о появлении семидесятиэтажного дома. Ну а сейчас, в середине нашего столетия, здесь уже высится Эмпайр-стейт-билдинг – самый высокий и знаменитый на весь мир небоскреб в сто три этажа.

Хотя в моей памяти не сохранилось совершенно точное число проживающих в Нью-Йорке людей, но даже округленно восемь миллионов жителей – цифра огромная. А вместе с окрестностями, где сгруппировались несколько городов-спутников, здесь проживает 14 миллионов человек. В Америке традиционно вокруг крупных культурных центров, практически сливаясь с ними, группируется ряд городов поменьше. К примеру, в самом большом городе штата Массачусетс Бостоне, куда мы отправились позднее, проживает восемьсот тысяч жителей. А если считать вместе с населением сорока прилегающих городов, то получается свыше двух с половиной миллионов человек.

Уличная планировка Нью-Йорка, считающегося самым большим городом на планете, очень проста и схематична, а порядковая нумерация улиц понятна и легко усваивается и постоянными жителями, и приезжими. Например, с севера на юг город на всем протяжении пересекают двенадцать авеню, а перпендикулярно им, с востока на запад, тянутся сто пятьдесят шесть улиц, именуемых «стрит». Поскольку каждая названа определенным номером, это легко запоминается, и человек, который не знаком с городом, запросто в нем ориентируется и вряд ли будет блуждать. Маяковский, восхищенный и удивленный этой планировкой, сказал: в Туле заблудиться легко, а вот запутаться в нью-йоркских улицах просто невозможно.

В центре города находится очень большой парк. Помимо него, на улицах Нью-Йорка, как и во многих других больших городах мира и городах самой Америки, зелени фактически нет. В общем же, когда думаешь о Нью-Йорке, приходишь к заключению, что это воистину гигантский город-исполин, город, несомненно, высокой культуры, сформированной в середине двадцатого века передовой человеческой цивилизацией.

Об одном из здешних мостов – подвесном Бруклинском, Маяковский как-то сказал: «Бруклинский мост? Да, это вещь!» Оказывается, это один из самых больших подвесных мостов в мире, сооруженных без нижних опор.

Одна из двенадцати нью-йоркских авеню – знаменитый Бродвей, его городская протяженность около тридцати четырех километров. В числе ста пятидесяти шести улиц – прославленная Уолл-стрит, тесное гнездышко нью-йоркских бирж и банков.

Первый владелец стотрехэтажного Эмпайр-стейт-билдинга потратил за год на его строительство двадцать шесть миллионов долларов. А нынешний, второй хозяин приобрел здание уже за пятьдесят миллионов.

Когда мы на скоростном лифте поднимались на верх небоскреба, то уже через полторы минуты достигли восемьдесят пятого этажа. Оставшиеся пятнадцать преодолели в том же темпе. На двух последних – самых высоких, установлено телеоборудование десяти телевизионных компаний Нью-Йорка. С высоты сотого этажа самой высокой городской башни открывается полная панорама окружающих окрестностей.

Особенно хорошо видны отсюда приметы полнокровной, кипучей, полной многоцветья красок и ярких огней жизни ночного Нью-Йорка с его бесчисленным в любое время суток потоком машин. Когда сливаются вместе яркое освещение многокрасочной рекламы, вывесок и новостных афиш кинотеатров и театров, призывные огни ресторанов, кокетливо манящие к себе игрой неоновых лучей витрины магазинов, уютный свет, льющийся из окон многоэтажных домов, желтые фары снующих по улицам машин, всевозможные световые сигналы, это и есть настоящее праздничное буйство тысяч и тысяч красок.

Именно такое пиршество красочного света и кипящего, блистающего, бурлящего веселья царит и на всем протяжении более чем тридцатикилометрового Бродвея. Когда вспоминаешь такой Нью-Йорк – со всем его сегодняшним богатством, вечным праздником и гордым изобилием, невольно в голову приходит и другая мысль, вполне закономерная. Действительно, капиталистическая культура воздвигла себе такой вот памятник в самом богатом современном государстве, в великой стране Соединенных Штатах Америки. Ну а в каких условиях эта

Америка строила свою культуру? На протяжении двух столетий она фактически не знала по отношению к себе того, что именуется войной. Прошедшая в давние времена война между Севером и Югом, битва за свободу на самом деле не были массовыми схватками. Война, в которой ежедневно раздается лишь несколько сотен винтовочных выстрелов, для современного человека незначительная возня, сродни детской забаве. А если вспомнить культуры, существовавшие до этих двух столетий и ставшие фундаментальной основой американской культуры, то и это обстоятельство, определенно, заставляет крепко задуматься.

Англо-саксонские, романо-германские и другие народы культурной Европы того периода, обладающие самым передовым искусством, вооруженные знаниями, техникой, культурой своего времени, – все они, каждый со своей стороны, влили собственную реку в культурное русло Америки. Какими, например, крепкими были суда, которые выдержали переход через океан и достигли берегов Америки. Какими точными и смертоносными оказались военные огневые средства и стрелковое оружие, если по прибытии в Новый Свет во время тянувшейся сто лет войны были истреблены целые поколения коренных жителей Америки индейцев. Историческое значение этой мощной культуры, которая уже позволяла человеку добираться до немислимых глубин земли и культивировать невиданные растения, культуры, обладающей одинаково беспредельными силой, энергией и влиянием, культуры, которая задолго до двух американских столетий прочно завоевала обширную территорию, а теперь породила такой памятник, как современный Нью-Йорк, конечно же, огромно.

Размышляя об этом, я, как и любой наш соотечественник, приехавший в Нью-Йорк, подумал и о многих гранях нашей системы, которые, даже в сегодняшнем их состоянии, способны заблестать в сравнении с современной капиталистической культурой.

Прежде всего, этой системе, порожденной Великим Октябрем, ныне всего лишь сорок третий год. И хотя это даже меньше, чем жизненный путь одного человека, мы уже познали страдания трех великих войн. Когда я думаю о том, что мы успели сделать на сегодня, справившись с горем и ранами этих трех войн, то перед моими глазами плещутся воды сотворенных нашей Великой Родиной новых морей. Болотистые топи и солончаки теперь полны богатств, многие пустыни поражают щедростью, бесплодные степи родят зерно, преобразились территории огромных регионов, изменилась, наполнившись счастьем, судьба и история сотен народов – разве всемогущая сила, сумевшая произвести столь разительные перемены, делает только спутники, производит одни лишь баллистические ракеты?! Когда вспоминаешь об этом, можно великодушно и справедливо оценить что-то хорошее и у других, отметить новаторские достижения технической цивилизации, которые, безусловно, являются полезным и прибыльным вкладом в общий фонд всего человечества.

В сегодняшнем мире, когда две великие мировые державы стоят в противоборстве лицом к лицу, что можно перенять, приехав в гости в страну-соперницу? Во время пребывания в Нью-Йорке мы тоже поставили перед собой цель рассматривать все, где бы мы ни были, именно с этой точки зрения: есть ли новации, пригодные для наших текущих потребностей и вообще для повседневной человеческой жизни, какие они. Конечно, это вовсе не означает, что все в Нью-Йорке нас поражало и от бесконечных возгласов удивления невольно пересыхало во

рту. Наряду с издавна восхищавшими и наших предшественников, и наших современников выдающимися техническими достижениями и яркими явлениями в Нью-Йорке немало и грубых несуразностей, наносящих ему немалый урон недостатков.

Хотя большинство населения Америки люди среднего достатка, у которых по отношению к нам дружественный настрой, Америка – это еще и мир, где благоденствует множество крупных капиталистов и разнообразных милитаристов. Однако бóльшая часть жителей Америки – это те средние американцы, кто живет своим трудом и зовется истинным представителем народа. Со многими из них мы подружились во время наших встреч и визитов. Тем не менее, даже внутри этой группы не все одинаково радушны и благосклонны к нам; вместе с искренними друзьями немало и тех, кто так и не избавился от враждебных стереотипов по отношению к нашей Родине. Кем же являются американцы среднего сословия, живущие за счет собственного труда, с которыми нам приходилось сталкиваться в ходе поездки? Это журналисты, писатели, ученые и специалисты всевозможного профиля – врачи, преподаватели, профессора университетов, а также самый массовый контингент этих университетов – молодежь, американские студенты.

Нью-Йорк – это центр, где во всей своей противоречивости, со сложными, обособленными, иногда по-своему любопытными и примечательными обстоятельствами сошлись все диаметрально противоположные условия и разнообразные особенности бытия людей, которые только можно найти в Америке. Именно поэтому мы пробыли здесь дольше, чем во всех других городах. И именно здесь мы наиболее полно ознакомились со многим из того, что считается американскими новациями.

Если для начала перечислить все, чем мы были заняты в Нью-Йорке, то самое главное, поскольку мы писатели, – это наши многочисленные встречи с группами литераторов и журналистов. Не раз были мы и гостями в домах видных представителей этого творческого мира. Побывали, например, в городской квартире критика Альфреда Кейнса, который в прошлом году приезжал в Союз. По приглашению редактора самого массового, популярного в Америке журнала «Сатердэй ивнинг пост» Нормана Казинса, питающего дружеские чувства к нашей стране, гостили в его доме, расположенном прямо в лесу, в шестидесяти милях от Нью-Йорка, где вместе со многими другими, так же приглашенными деятелями американской литературы и культуры провели весь день.

Были в гостях у миссис Джейнвей – автора нескольких известных романов, члена международной писательской организации и ПЕН-клуба. В ее доме тоже присутствовало довольно много разных литераторов, критиков и журналистов. Посетили ПЕН-клуб, а также общество защиты авторских прав, которое именуется Американской лигой писателей.

Наряду с этим встречались с собственниками американских предприятий, выпускающих книги, – с группой порядка двадцати книгоиздателей. Были на званом вечере в знаменитом ресторане «21-й клуб», куда также пригласили некоторых нью-йоркских писателей и журналистов. По-особому ценные мгновения выдались во время личной, специально для нас устроенной встречи с очень почитаемым поэтом, старейшиной американской литературы Карлом Сэндбергом, который уже заезжал к нам во время нашего пребывания в Нью-Йорке.

Вечером в эти дни я посмотрел в двух известных театрах Бродвея парочку наиболее успешных, особенно нашумевших в этом сезоне спектаклей. Увидел и несколько несуразных американских картин, наподобие той, что называл ранее, которые можно увидеть только в самой Америке. В моменты отдыха мы включали стоявший в номере телевизор, знакомясь с тем, что передает американское телевидение.

Очень содержательный разговор в форме обширной дискуссии состоялся в редакции журнала «Сатердэй ивнинг пост». В эти же дни мы полностью обошли с ознакомительным обзором здание, где располагается ООН, даже пообедали в тамошнем ресторане. Ну а если вспомнить о наиболее крупных нью-йоркских достопримечательностях, которые мы осмотрели, то это один из самых больших музеев Соединенных Штатов – Метрополитен, и самый знаменитый здешний университет – Колумбийский. В нем на факультете славянской филологии помимо русской и украинской культуры изучают и языки нескольких других народов Советского Союза, в том числе узбекский, азербайджанский и армянский. Не так давно в Колумбийском университете была даже защищена диссертация на степень магистра филологии по теме «Казахские богатырские сказания и их связь с другими эпосами», а также докторская диссертация, посвященная узбекскому эпосу.

Посетили мы и знаменитую Нью-Йоркскую биржу. Побывали в мюзик-холле – популярном вечернем зрелищно-развлекательном заведении. Здесь в виде сборного концерта на протяжении двух с половиной часов публике показывают пеструю смесь номеров всевозможного искусства: танцы разных народов, цирковые номера, клоунаду, ковбойские пляски, кинозарисовки, сопровождаемые симфонической музыкой в исполнении оркестра.

Я уже назвал многое из того, что мы увидели за несколько дней, проведенных в Нью-Йорке. А теперь хочу вернуться к определенным, наиболее запомнившимся подробностям этих экскурсий, встреч и совещаний, что, возможно, будет полезно нашему читателю. Так как мест, которые мы посетили в этом городе, было действительно очень много, чтобы все упорядочить, назовем несколько объединяющих, группирующих тем. Первая – это нью-йоркские заведения искусства, вторая – научно-образовательные учреждения, третья – это писательская среда, ну а четвертой можно считать журналистский мир.

А теперь обратимся к увиденному нами в знаменитом американском музее Метрополитене, где собрана богатейшая, обширная коллекция произведений изобразительного искусства, а также к увиденному в бродвейских театрах, в кино и по нью-йоркскому телевидению.

В крупный центр изобразительного искусства музей Метрополитен мы стремились, прежде всего, для того, чтобы увидеть образцы творчества новых художников. Без сомнения, в этом музее много очень редких и ценных раритетов в коллекции картин и скульптур старинной классики, ведь это один из самых богатых музеев мира. Ну а что касается новейшего изобразительного искусства, то и в этом собрании широко представлено творчество самых разноплановых выдающихся художников, находящихся все время в творческом поиске.

Здесь мы увидели множество эскизов Родена. Познакомились с произведениями таких художников, как Реджинальд Марш, Гирш и других, причисляемых к так называемой американской реалистической школе XX века. Познакомились с новой работой Ричарда Липпольда под названием «Солнце». Это конструкция,

выполненная из золотой паутины и округлого полированного золотого листа. Она не заключена в раму, как привычные картины, не прикреплена к стене рядом с другими, а свешивается прямо с потолка. В ней чудится какое-то легкое движение, будто подрагивает сплетенная пауком паутина или мерцает звездочка, в общем, конструкция кажется живым созданием. Это один из примеров стиля конструктивизма в современном изобразительном искусстве.

В ряду новых картин есть и необычная работа Джима Эрнста. Она говорит о каком-то самобытном, неустанном художественном поиске. Уверенными, смелыми мазками передан облик иссиня-черной ночи. Названа работа «Тишина». В том же ряду представлены труды так называемых сюрреалистов – нового направления в живописи; в результате своих довольно спорных поисков они смешивают на полотне, словно пестрые краски, разнообразные, часто отталкивающие образы, какие-то лики и искаженные силуэты.

Среди новинок есть и одна очень загадочная картина, написанная Айвеном Олбрайтом. В центре композиции – странного вида старик. На руках рукавицы, из-за чего он напоминает грузчика. Лицо содержательное, наводящее на множество размышлений. И название картины необычное: «Скоротечное время, ты хочешь сохранить меня и одновременно старишь». Естественно, в зале современного искусства присутствует и несколько ярких произведений Пикассо.

В одной экспозиции сошлись полотна Ван Гога, Клода Моне, Поля Гогена. Картины Ван Гога «Кипарисы» и «Подсолнухи» – воистину прекрасное наследие.

В целом, когда лицезрешь большинство произведений новейшего искусства, представленных в Метрополитене, испытываешь двойственные чувства: захочешь понять – начнешь спорить с самим собой, решишь восхититься – испытаешь досаду, размышляя над искусственной гиперболизированностью.

Названные нами работы – это лишь часть из тех, которые, как яркие пятна на унылом фоне, как небольшие островки посреди озера, притягивают взор и привлекают внимание.

В искусстве Нью-Йорка есть еще один обширно представленный жанр – театры. Обычно, где бы ты ни был, можно услышать о том, что с развитием киноиндустрии театров становится все меньше и меньше. Однако в Америке наших дней телевидение превзошло все, даже само кино. Тем не менее, и это следует особо подчеркнуть, театров в Нью-Йорке тоже немало. Однажды, просматривая рекламу в вечерней газете, я насчитал в общей сложности около тридцати театров, действующих в Нью-Йорке.

На одном только Бродвее расположилось довольно много известных театров. Судя по ответам коллег-литераторов на мой вопрос, в нынешнем году в репертуаре почти нет новых талантливых, привлекательных пьес высокого художественного уровня. Но я все-таки посмотрел в двух бродвейских театрах два спектакля, которые собирают аншлаги. Один из них – постановка пьесы «Десятый человек», написанной американским драматургом и сценаристом Пэдди Чаефски, который в прошлом году был с визитом в Советском Союзе. А второй – по пьесе Уильяма Гибсона под названием «Сотворившая чудо».

На эти спектакли ходит особенно много народу. Хотя играют они в известных на Бродвее театрах, сами здания небольшие. Залы, как в типовых драматических театрах, уютные и компактные. Большинство зрителей располагаются на местах, предпочитая оставить верхнюю одежду при себе – в руках.

Несмотря на то что первый спектакль был смешным, особенно яркими достижениями в смысле писательского искусства не выделялся. Юмор легковесный, психология героев, сюжетные коллизии поверхностны. В одну молоденькую девушку вселяется дьявол. Чтобы изгнать его, необходимо совершить в синагоге коллективный обряд изгнания, во время которого нужно прочесть хором специальный заговор-молитву. Ну а для молитвы, согласно старинному условию, требуется не менее десяти человек. Весь сюжет построен вокруг этого: девять человек имеется, а десятого нет. Этого десятого стараются заманить в синагогу по телефону, обманом, хитростью, под всякими забавными предложениями. В конце концов это удастся, однако, девушка не излечивается благодаря коллективной молитве верующих. Наоборот, избавляется от дьявола под внезапным воздействием одного парня-безбожника.

Юмор большей частью грубый, рожденный внезапным столкновением неожиданных, противоречивых ситуаций. Например, к древним религиозным требованиям и правилам ни с того ни с сего примешиваются явления и факты современного Нью-Йорка, и из чего-то незначительного выжимается смех. Если поразмыслить, смех надуманный, неискренний, неестественный, скорее, искусственно вызванный смешок, как если бы кого-то изводили щекоткой. Смех, который стремятся вызвать разного рода нелепицей.

Увиденный мною второй спектакль куда содержательнее и гармоничнее предыдущего. В нем рассказывается о раннем детстве одной незаурядной женщины по имени Хелен Келлер, которая действительно жила в Америке. Хелен Келлер родилась слепой, глухой и немой. До двенадцати лет она росла недоразвитой, слабоумной девочкой. В ходе трех актов пьесы, благодаря стараниям, упорному труду и победам талантливой воспитательницы, взявшей за обучение языку жестов, которым общаются глухонемые, у девочки-инвалида с недоразвитым мозгом впервые проявляются проблески разумного сознания. С особым мастерством созданы в спектакле образы двенадцатилетней Хелен, которую играет маленькая артистка, и ее воспитательницы с таким же одиноким, ущербным детством. Актриса, сыгравшая педагога, создала прекрасный образ воистину волшебницы, своим талантом и мастерством сотворившей чудо. Этот образ умело соткан из множества внутренних и внешних проявлений, из тысяч неувловимых движений и интонаций; он притягивает, располагает к себе. Пока мы были в Америке, портрет этой актрисы часто мелькал на страницах газет и журналов, ее особенно много показывали в киновыпусках и по телевизору, с благодарностью произнося ее имя. Печали и надежды главной героини пьесы, мастерски сыгранные одаренной артисткой, смелый поиск и трудности на учительском пути ее героини, смех и слезы, рыдания наедине с собой, упорная настойчивость, внутренние переживания, когда наставница готова ради убогой, бесприютной души сгореть дотла, – все это блеском граненого алмаза, жарким языком пламени ложится на сердце.

Как мне кажется, за время поездки я больше ни у кого на американской сцене или на экране не увидел такой художнической мощи, как у этой актрисы, такого непревзойденного таланта и мастерства.

Еще один вид искусства, которого мы вдоволь насмотрелись в Нью-Йорке, – это, конечно, кино и телевидение. Безусловно, есть в американском кино такой снискавший себе славу новый фильм, как «На берегу», рожденный идеями борьбы за мир во всем мире. Но подобных картин или других, которые своей

демократической направленностью вносят позитивное влияние в дружбу между народами, довольно мало – считанные единицы. Наряду с этим очень много фильмов, связанных с древними религиями, в особенности сделанных по мотивам христианских легенд и иудейских преданий.

Не удалось посмотреть, но, как мы слышали, немало картин посвящены царю Соломону и царице Савской. А в одном из фильмов, увиденных нами, а именно в «Бен-Гуре», показана борьба эпохи завоевания, колонизации и подчинения Римом Палестины. В этой ленте рассказывается о пророческом пути Иисуса, о сотворенных им чудесах, об исцелении увечных и о последующем его распятии на кресте. Картина длится три с половиной часа. Здесь есть эпизод о традиционных для древнего Рима, необычайно увлекательных заездах двухколесных колесниц, запряженных четверкой скаковых лошадей, которые сразу в несколько рядов соревнуются в скорости на арене римского амфитеатра. Пока минут двадцать длится это захватывающее зрелище, а некоторые возничие, свалившись с колесниц под копыта коней, лежат раздавленные на арене, главные герои фильма, вступив в жестокое, безжалостное соперничество, обливаются кровью, своей и чужой.

К основе христианской тематики, освещенной с глубоко религиозным пафосом, примешиваются отдельные события, связанные с такими понятными современному человеку явлениями, как патриотизм и колониализм. Заметно, что на съемки ушло очень много средств и фильм вышел дорогим. Но, похоже, такие исторические картины, созданные на религиозной основе, долгое время занимают экраны самых больших кинотеатров в любом городе Америки, каким бы многонаселенным он ни был.

Есть еще одна большая группа фильмов, которых особенно много и чье очень вредное влияние совершенно очевидно и явно совращает молодое поколение Америки. Они посвящены злу, кровавому насилию, животной жестокости, причем сами по себе эти сцены сформированы в виде зрелищных, захватывающих событий. Такие ленты относятся к многочисленной группе кино- и телефильмов, именуемой «ужасами», которые характерны для американской культуры наряду с «комиксами».

В основе некоторых из этих картин вовсе не американские сюжеты, а кровавые рассказы, взятые из старинной литературы, древних хроник и легенд европейских народов. Правда, большинство – это все же фильмы с бесчисленными сценами злодеяний, поставленные на материале самой Америки. Например, одна из таких лент, которую мы видели собственными глазами, называется «Ведро крови». Как-то несостоявшийся скульптор, неосторожно взмахнув ножом, убивает кошку. Потом он обмазывает мертвое животное вместе с орудием убийства гипсом и формирует скульптурную композицию. Когда он показывает ее группе приятелей, отличающихся распущенными нравами, те признают работу успешной. Тогда этот самый скульптор уже умышленно убивает одного из своих визитеров и, обмазав труп с головы до ног гипсом, делает большую скульптуру, которая вновь придается по нраву друзьям. Вскоре злодей губит молодую женщину, затянув вокруг шеи ее собственный шарф, и опять формирует «шедевр».

Следующее изваяние художник «лепит» из головы темнокожего мужчины, убитого им во время драки. С помощью бензопилы он отсекает от тела голову, кладет в ведро и, принеся «добычу» домой, формирует из мертвой головы бюст. В конце концов друзья советуют ему устроить выставку. На вернисаж приходит

влюбленная девушка, которая мечтает выйти за него замуж. А что касается критиков, они дают выставленным скульптурам высокую оценку, пророча новому таланту блестящий путь.

Однако влюбленная невеста внезапно замечает непокрытый гипсом ноготок женщины, которую убил художник. Она понимает, что это ноготь настоящего человека. К ужасу своему, узнает по изваянию жертву. В страшном волнении, с колотящимся сердцем она кричит скульптору: «Кровопийца, вы людей убиваете!»

Художник устремляется к ней, девушка убегает, ведь он убьет ее, если догонит. Проходит несколько напряженных, критических моментов. За скульптором, который с целью убийства преследует несчастную девушку, тоже начинается погоня. Заметив ее, злодей понимает, что полностью разоблачен, скрывается в своем доме и, повесившись, кончает жизнь самоубийством. Фильм вместе с нами смотрели десятки детей, потому что была пятница, день, когда школьники рано заканчивают занятия.

Когда на экране происходил весь этот ужас, нравы и поступки сидящих в зале школьников были не менее ужасными. Во время очередного убийства дети, заполнившие зал, шумно галдели, довольно смеялись, хлопали в ладоши и топали ногами; увлеченные преступлениями злодея, они сами напоминали охотников, травящих беспомощного зайца борзыми собаками.

Кровавые смерти только возбуждали их, приковывая горящие глаза к экрану. Ни сдержанности, ни такта, ни страха, ни отвращения, лишь любопытство и забава – вот духовный плод тех, кто преподносит детям сегодняшней Америки такое кино. К тому же билеты на подобные фильмы детям продаются со скидкой.

То, что мы здесь увидели и невольно почувствовали, с ужасом вынуждает осознать, что это еще одно внешнее проявление современной культуры Америки, которая наряду с созданием передовой техники и других своих богатств в то же время, словно бы нарочно, воспитывает свое юное поколение в духе варварства, кровожадности, хищнической жестокости. И нет повода, чтобы отрицать это, ведь подобное происходит не в одной картине и не в нескольких кинотеатрах, а в огромном множестве кинолент, идущих в дневное время на всех кино- и телеэкранах страны, во всех больших и малых городах. Между создателями таких картин существует большая конкуренция. Есть компании, сколотившие на них огромный капитал. Они умело пользуются тем, что в Америке отсутствует всякая цензура: нет никаких преград, пиши и твори что хочешь. Поэтому иначе чем умышленным подобное «воспитание» молодого поколения не назовешь.

Таким вот предстает изнутри мир, называемый американским искусством.

Из группы нью-йоркских научно-образовательных учреждений особое внимание мы уделили Колумбийскому университету и подробно с ним ознакомились. Это один из самых известных и крупных научных центров Америки. Основан поначалу как колледж в 1754 году, в эпоху короля Георга II. В год открытия в нем обучалось только восемь студентов. Сегодня их насчитывается тридцать семь тысяч. В том числе основной, постоянно проживающий на территории университета контингент – около двадцати тысяч студентов. Дело в том, что у американской молодежи появилась традиция уезжать на учебу в другой город. Так они стремятся привыкнуть к самостоятельной, независимой жизни. Все учащиеся платят за каждый год обучения в университете 500 долларов. За общежитие

выплачивают еще 475 долларов. Этот огромный университет на самом деле не государственный, а находится в частной собственности.

Довольно большая группа студентов, особо отличившихся успехами в учебе и превосходными оценками, получают стипендию. В университетской библиотеке насчитывается три миллиона книг. Множество факультетов специализируются на разных отраслях науки. У каждого факультета несколько отдельно расположенных зданий, поэтому в целом Колумбийский университет занимает значительную часть города.

Здесь присваиваются три научных степени – бакалавра, магистра, доктора. Три профессорских ступени. Звание полного профессора дается после того, как будут изданы книги и научные труды. На практике ступени профессорского уровня подлежат изменению каждые четыре года.

Если взять сферу филологии, то здесь изучается множество языков. Только на славянском факультете, помимо русского и украинского, осваивают также группу языков других народов Союза. Читаются курсы узбекского, азербайджанского, армянского языков. Работают известные специалисты по монгольскому языку, общей тюркологии, арабистике и угро-финским языкам.

Русская литература делится на три курса. В течение двух семестров изучается литература XIX века, затем литература XX века и отдельно советская литература. Возглавляет славянский факультет профессор Стильман. Хотя он говорил, что студенты очень хотят встретиться с нами и не дают ему покоя просьбами устроить встречу, в назначенный час собрать их профессор не сумел и, скорее всего, как нам показалось, не хотел, поскольку такое общение руководству факультета представлялось нежелательным. А студенты из той малочисленной группы, которые все-таки пришли на встречу, если не считать резких вопросов, вовсе не походили на молодежь, желающую что-либо узнать об истинных достижениях современной советской литературы и ее плодотворном развитии.

Судя по впечатлениям вообще от университета и от славянского факультета в частности, нельзя сказать, что сегодняшняя литература Союза преподается в американских вузах на должном уровне, даже на славянских отделениях. Учащиеся как будто неплохо знают русский язык. Основательно знакомы и с русской литературой, в особенности прошлых эпох. А вот истинное состояние советской литературы, за исключением единиц, большинству неизвестно. И этому, видимо, есть две причины: прежде всего, славянскую культуру, в том числе современную и литературу Союза, в высших учебных заведениях Америки преподают большей частью переселенцы, в разные периоды истории эмигрировавшие из России.

Кто-то уехал давно, кто-то позднее, но все они – это люди, негативно воспринимающие новости из нашего Отечества, особенно успехи социалистической культуры. Должно быть, «правдивые истины» о советской литературе, произнесенные их устами, не кажутся американским студентам тем миром, который можно было бы назвать по-настоящему интересным, притягательным и ценным.

Поэтому и получается, что студенты, с которыми мы встречались, и не только в Колумбийском университете, но и в университетах Лос-Анджелеса, Бостона (Гарвардский университет), даже те, что учатся на славянских отделениях, если и знают что-то, так это старую русскую литературу, а советская литература, советские писатели известны очень немногим. Для основной массы произведения

советских литераторов представляются сплошь похожими друг на друга, а их творчество кажется унылым, унифицированным и скучным, рассказывающим лишь о войне и колхозах. Конечно, такая искаженная, ложная характеристика, прозвучавшая из недружелюбных уст, является не помощью, а преградой на пути познания многообразия нашей литературы. Это настоящая педагогическая безответственность, вред, наносящий огромный урон.

Поскольку такое мировоззрение, в основе которого элементарное злопыхательство, является методом, распространенным не только в системе образования, но и в большинстве других, сопряженных со сферой идеологии, таких как издательства, гуманитарная наука, исследовательские учреждения, то и произведения советских писателей практически не переводятся на английский язык и в Америке не печатаются. Так что, с одной стороны, не хватает самих книг, а с другой – знаний по их правдивому, справедливому анализу. Поэтому не только нынешние студенты, но и подавляющее большинство читательской общественности Америки не знакомы с достижениями и многообразием советской литературы.

Впервые услышав от нас имена наших маститых писателей, молодые американцы с крайним удивлением и смущением обмениваются взглядами. Вместе с тем они довольно хорошо знают нашу литературу прошлых эпох. Поэтому не где-нибудь еще, а именно в этом самом Колумбийском университете, как мы уже упоминали выше, два американских студента, изучив устные образцы узбекской и казахской литератур, защитили диссертации на соискание научных степеней по древнему тюркскому эпосу. Без сомнения, подобные случаи касаются не только названных, но и родственных азербайджанской, армянской, грузинской литератур.

Таким образом, пути познания, знакомства с нашими культурами держатся в узких, недоступных для народа, для большинства общественности рамках; нельзя при этом сказать, что слабо развиты и умышленные ориентиры, когда через враждебно настроенных по отношению к нашей стране людей в целях каких-то специальных нужд внедряется искаженная трактовка нашей культуры, сужаются теперь уже рамки знания предмета – до чисто внешнего обзора и исторического экскурса.

Если взглянуть на проблему с этой стороны, то похоже, что из любой ситуации извлекается максимум для американской агитации и пропаганды, для нужд Госдепартамента либо органов разведки.

Мы довольно долго осматривали достопримечательности университета, включая клубы, где отдыхают преподаватели и профессора. Они показались однотипными. Везде есть обеденный зал и места для досуга. В одних помещениях профессора играют в бильярд, в других – в шахматы, а еще в каких-то кабинетах – в карты, бридж. Бридж считается одной из наиболее сложных игр. Ради развлечения делают и небольшие денежные ставки.

Следующее, о чем мы хотели бы сказать в своем основанном на фактах рассказе, это то, что удалось узнать относительно неприемлемых явлений в нескольких высших учебных заведениях США. В номере газеты «Нью-Йорк таймс» от 26 февраля вышла обширная статья, написанная Солсбери Харрисоном, – «Разоблачение подпольных писателей». В ней автор рассказывает о деятельности подпольной группы, которую выявил и разоблачил районный прокурор Фрэнк Хоган. Как удалось выяснить прокурору, существует несколько подобных групп,

занимающихся подставной сдачей экзаменов в высших учебных заведениях, а также написанием и подставной защитой научных диссертаций. Группы объединены в четыре агентства.

За написание магистерской диссертации берут три тысячи долларов. Плата за сданный вместо студента экзамен колеблется от пятидесяти до пятисот долларов. Некоторые из таких нанятых исполнителей сдают экзамены не в одном, а сразу в нескольких университетах. В том числе конкретно упоминаются «наемники», успешно сдавшие экзамены в Колумбийском университете и педагогическом колледже.

Один корреспондент, по согласованию с прокурором Хоганом, сам договорился со студентом и за сорок долларов сдал вместо него экзамен, позднее передав эти деньги в офис Хогана. В материале Солсбери приводятся и слова весьма огорченного президента педагогического колледжа доктора Кэсуэлла. Признав нелицеприятные факты, пусть и немногие, Кэсуэлл назвал подобные тенденции чуждыми преподавательской практике, процессу воспитания и самой человеческой сознательности, клятвенно пообещав искоренить их в своем колледже.

Вместе с тем профессор Нью-Йоркского университета по фамилии Чепмен выразил сомнение, что подставные лица могут остаться незамеченными во время защиты ученой степени, поскольку до защиты проходит ряд консультаций, доработка и обсуждение исследовательского материала. По его словам, довольно трудно, нанявшись, заменить какого-то диссертанта и не обнаружить подмены. В разрез с ним, директор студенческой газеты Тони Пинта утверждает, что процент наемных «писателей» очень высок.

Бенсон лично признает, что за триста пятьдесят долларов написал диссертацию по психологии для молодого ученого из Иешива-университета.

Профессор одного из западных вузов приводит факт, когда соискатель заплатил тысячу двести долларов человеку, переработавшему за него докторскую диссертацию, а позже еще и написал ему благодарственное письмо.

Вспоминается в статье и один подпольный «писатель», который взялся за две тысячи долларов подготовить для защиты в Колумбийском университете диссертацию о драме в эпоху Елизаветы, получил авансом половину денег и скрылся. Профессор Иешива-университета доктор Самуэль Белкин рассказал о человеке, нанявшемся и написавшем докторскую диссертацию для этого университета. Правда, не сообщил, была ли работа защищена, или нет.

Вот о таких совершенно достоверно выявленных грубых фактах рассказал на страницах самой массовой газеты Америки «Нью-Йорк таймс» ее ответственный сотрудник Солсбери. Естественно, подобная практика существует не во всех университетах, и не все соискатели научных степеней сродни вышеназванным, однако, вместе с тем порою вскрываются и такие несуразные явления, укоренившиеся в учебных заведениях высшей категории и крупных научных центрах.

Несколько встреч в Нью-Йорке прошли в виде общения с литераторами. Одна из наиболее многолюдных – с солидной группой писателей, входящих в организацию ПЕН-клуба. Там с каждым из нас наши коллеги-литераторы, разделившись на группы, беседовали отдельно, забрасывая вопросами на разные темы. В подобных случаях мы посвящали разговор собственной литературе, достижениям собственной республики, творчеству своих писателей. Оказалось, что

в рядах ПЕН-клуба собрались литераторы самых разных направлений, разного возраста и разных национальностей. Среди них и наш друг, негритянский поэт Ленгстон Хьюз.

На встрече присутствовали несколько руководителей отделов критики крупных газет. Вечером того же дня мы побывали в гостях в доме у известной писательницы, автора популярных романов Элизабет Джейнвей. Здесь собралось множество из тех писателей, журналистов и критиков, с которыми мы встречались днем. Вечер растянулся примерно на три с половиной часа, прошедших в тесном общении. В отдельных вопросах, внешне казавшихся простоватыми, нельзя было не заметить внутреннего противостояния и явственной критики – критики, адресованной нам. К примеру, был задан такой дискуссионный вопрос: «Тематика у вас общая, так разве ваши литературы не схожи одна с другой?» А в подоплеке ощущались полемика и подозрения: «Разве литературы всех советских народов не подражают одной – той, что в авангарде?»

Был и такой вопрос: «Присутствует ли в вашей литературе психология, глубина?», или еще один: «Разве все ваши журналы не являются выразителем идеологии одного-единственного центра?».

На этой встрече был и Элмер Райс, драматург, театральный критик, который к тому же является заместителем руководителя Нью-Йоркского отделения Союза ПЕН-клубов. Он рассказал о международной писательской конференции, которая прошла в 1957 году в Токио. На этом совещании организации ПЕН-клубов обсуждали исключительно проблемы перевода. Писатели стран Востока выдвинули литераторам Европы и Америки общее требование. Дело в том, что образцы восточной литературы мало переводятся на европейские языки, тогда как произведения европейских писателей, писателей Америки переводятся всюду в большом количестве, поэтому ставился вопрос о равенстве условий в этом отношении. Вообще, в Союз ПЕН-клубов, оказывается, входят группы писателей из пятидесяти-шестидесяти государств мира.

Наиболее долговременная встреча с группой литераторов и журналистов произошла благодаря Норману Казинсу – редактору журнала «Сатердэй ивнинг пост». В воскресный день он пригласил нас в гости в свой дом, расположенный в шестидесяти милях от города.

В большом, одиноко стоящем в лесу особняке Казинса собралось много гостей. Это и ответственные работники журнала, и деятели искусства, и специалисты разных отраслей, и проживающие неподалеку соседи, и друзья хозяина. В продолжение всего дня, который мы провели здесь, было много бесед, взаимных расспросов на самые разные темы, состоялось множество новых знакомств. Каждый из нас, советских гостей, вновь находился в центре внимания какой-то определенной группы американцев и старался повернуть разговор в собственное русло.

Я, например, рассказал об успехах в науке, культуре, литературе нашей республики, об общих достижениях социалистической эпохи. Позже, по просьбе хозяина дома и гостей, большинство присутствующих собрались вместе для коллективной дискуссии. Прозвучали вопросы относительно отдельных новостей в общей жизни советской литературы, а после наших ответов кто-то заинтересовался: каковы причины популярности в Советском Союзе таких американских писателей, как Хемингуэй и Митчелл Уилсон?

По этому поводу высказал ряд комментариев и я. Мой ответ был потом процитирован в обобщенной статье, посвященной нашему приезду и опубликованной в «Сатердэй ивнинг пост».

По приглашению опять же Нормана Казинса, в один из последующих дней нас принимали в правлении журнала «Сатердэй ивнинг пост», редакция которого находится в Нью-Йорке; состоялась двусторонняя ознакомительная беседа, на которой присутствовало порядка пятидесяти человек. На этом собрании очень много важного сказал Щипачев, выступивший от имени всего сообщества советской литературы как ее ответственный представитель.

Вначале он привел примеры выдающихся, крупных произведений не только русской литературы, но многих других братских союзных литератур. Затем перешел к серьезному, проблемному разговору:

– Мы – это Родина, где развивается множество братских литератур. У нас много писательских союзов. Много талантливых литераторов, много авторов, хорошо известных мировой общественности и прославившихся своими замечательными произведениями. Однако, как нам стало понятно, о такой литературе американская общественность не осведомлена. Зато отдельные околотитературные группы в Америке своим привычным методом избрали прославление и популяризацию каких-то единичных наших авторов, обособившихся в своем творчестве и написавших сомнительные труды, порочащие собственное Отечество. Это несправедливо по отношению к такой богатой и многообразной литературе...

Далее Щипачев высказал вполне уместную критику по поводу этой однобокой, нечестной и порочной практики, когда все издание советской литературы представляет собой лишь публикацию произведений единичных авторов.

В принципе, Норман Казинс – человек, бывавший у нас в Союзе и свободный от власти предрассудков. Что касается его основных убеждений, он весьма далек от нашего традиционного мировоззрения, от нашей философии, тем не менее кажется человеком, который искренне желает и ощутимо способствует тому, чтобы отношения между двумя великими державами установились в дружеских рамках.

В своем ответе, произнесенном от имени коллег, он высказал довольно много правильных, умных суждений. Пространно говорил о дне сегодняшнем и будущем, о том, как велика наша двусторонняя ответственность, и о том, что деяния во имя дружбы – самые важные из всех.

Вспомнил и некоторые мысли, высказанные Леоновым и мною во время заседания в его доме. Вообще, литераторы, которые присутствовали на этих двух встречах, устроенных журналом «Сатердэй ивнинг пост», оказались людьми, которые в глубине души искренне размышляют о том, как сделать дружбу мостом в отношениях между двумя нашими государствами.

Мы также побывали в среде тех, кто учредил американскую писательскую лигу. Разговор, который проходил за обедом, вел писатель по фамилии Рекс, с которым накануне мы уже встречались в доме Нормана Казинса. Он один из тех деятелей пера, что пишут сегодня в Америке захватывающие, остросюжетные детективные романы. Согласно его пояснениям, лига принимает в свои ряды всех, кто именуется писателем, не устраивая выборочного отбора. В их составе наряду с писателями-республиканцами и демократами есть анархисты, консерваторы, нейтралы от политики, есть и писатели-коммунисты.

Одно время, признался Рекс, среди них был даже писатель-фашист. «Мы не суд, чтобы выносить приговор за то, кто и как пишет. Мы считаем, что каждый волен писать так, как умеет и хочет», – сказал он. И тогда от имени нашей группы взял слово Олесь Гончар:

– Я сам воевал. Встречался с врагом лицом к лицу. И этот враг – фашист. Если бы на том огненном фронте, где ты все время словно ходишь по лезвию ножа, мне попался бы писатель-фашист, я бы и его отправил в невозвратную даль. Если это политика – мы своей правды не скрываем. Ведь это – наша правда.

В дни, проведенные в Нью-Йорке, все свободные дневные часы и вечернее время, что бы ни происходило, мы посвящали знакомству с городом, с его новшествами и своеобразием отдельных сооружений. В этом ряду побывали и на кипящем, как муравейник, возбужденном и шумном «базаре», который расположен на знаменитой нью-йоркской улице Уолл-стрит и именуется Нью-Йоркской биржей, где в ходе соперничества и напряженных переговоров заключаются всевозможные сделки.

Встретились с группой богатых собственников в составе примерно двадцати человек, которые возглавляют нью-йоркские книжные издательства. Общение с ними не прибавило ничего нового, чем обе стороны остались бы довольны.

Убежденные в том, что советская литература, социалистическая культура являются агитацией, они, в соответствии со своим традиционно враждебным сознанием, считают нелепым переводить наши книги на английский язык, издавать их на свои средства и распространять в народе. Поэтому, приводя лживые, искусственные аргументы, приводят в свое оправдание благовидные предлоги. Американский читатель, дескать, утомляется от чтения крупных произведений. К тому же в вашей литературе сплошь однообразное описание колхозной жизни и набившей оскомину войны, говорят они.

Помимо того, что сами же извращают истину, они еще и лгут о читателях Америки. Истина в другом: у этих собственников, сидящих у истоков книжных рек, естественно, нет желания, чтобы художественные произведения, пропагандирующие наши традиции и мировоззрение, достигли рядовых американских читателей.

Возьмем конкретный пример: недавно в Америке были переведены и готовятся к выходу два романа Шолохова – «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Мы не сомневаемся, что большинство американских читателей не только прочтут эти книги, но и будут захвачены ими, восхищены и, наоборот, искренне их примут, дав максимально высокую оценку. Ведь это произведения, которые широко, художественно, глубоко и правдиво рассказывают читателям о нашей эпохе.

И нет причин для того, чтобы американские читатели не прочли эти прекрасные книги, которые вошли в сокровищницу искусства всего человечества, с истинным восторгом. Кстати, одна из них повествует как раз о войне, а вторая – о жизни колхоза.

Когда в 1957 году я был в Японии и на встрече с многочисленной группой японской общественности в городе Осака вел разговор о советской литературе, один японец, инженер-энергетик по профессии, признался: «Раньше мне не нравился такой литературный жанр, как роман. Даже своих мало читал. Но однажды мне в руки попал шолоховский «Тихий Дон», и когда я прочел его, то понял достоинство романа. Теперь я читаю их много. А заставил меня полюбить этот вид литературы роман советского писателя Шолохова».

Еще одна памятная встреча в Нью-Йорке произошла, когда мы посетили «21 клуб», хорошо известный ньюйоркцам своим гостеприимством. Там собрались руководящие сотрудники вышеназванного журнала «Сатердэй ивнинг пост», крупные журналисты известной газеты «Нью-Йорк таймс», такие как Солсбери, упоминавшиеся уже члены ПЕН-клуба и лиги американских писателей, многие другие. В один из моментов потребовали, чтобы выступили гости – писатели, приехавшие из Советского Союза. Расспрашивали о наших впечатлениях об Америке. Я же, в свою очередь, решил высказать пришедшее на ум сравнение об образе Нью-Йорка. Чтобы было понятно, приведу сначала пару фактов.

Первый: хочу напомнить, что город Нью-Йорк располагается на острове Манхэттен и прилегающих островах. Второй: в современной американской поэзии поэтические строки разные по размеру. Одна строка длинная, другая – короткая. Здесь не гонятся за рифмой, а пишут, ориентируясь на ритм.

Вспомнив о некоторых оценках, которые дал Нью-Йорку Маяковский, я решил поделиться некоей собственной, неожиданно родившейся, поэтичной, хотя сам я не поэт, метафорой. Вот она: моему взору облик застроенного каменными небоскребами города представляется поэмой, написанной камнем в небе Манхэттена. Каждый небоскреб – это строчка в поэме. А поскольку в американских стихах одна строка длинная, а другая короткая, то и небоскребы – один выше, другой ниже. И самая длинная, самая значительная строка в этой поэме – стотрехэтажный Эмпайр-стейт-билдинг. Все народы мира знают эту строку из нью-йоркской поэмы, у всех она в памяти.

Ведущий заседания доктор Хитсиг, выразив тонкой шуткой уважение по отношению ко мне, пообещал, что непременно подарит мне два пригласительных билета на юбилей этого клуба, который состоится летом шестидесятого года, и тут же дал указание Норману Казинсу обеспечить нам с женой дорожные расходы.

Позже, когда об этом случае зашла речь среди моих товарищей, дорогой мне Степан Петрович Щипачев дал дружескую клятву. Он обязательно напишет стихотворение «Нью-Йорк» и посвятит его мне. Как ценно, что такие вот обещания выполняются, что называется, с лету. Стихи на названную тему Щипачев написал еще будучи в Нью-Йорке, а по возвращении из Америки на страницах газеты «Правда» вскоре было опубликовано его стихотворение «Нью-Йорк» с посвящением мне. Среди множества сравнений там была метафора о небоскребах Нью-Йорка – словно строчках стихов, обернувшихся камнем.

Признаюсь, в Нью-Йорке в моей памяти часто всплывали самобытные, поэтически образные, прекрасно сказанные слова Маяковского о большом подвесном Бруклинском мосте и о Бродвее. В современном мире два великих государства – наша Родина и Соединенные Штаты Америки, поэтому обычный человек, представляющий эти народы, наряду со своей извечной мечтой о мире, всегда искренне восхищается, узнавая об огромных культурных, научных, технических достижениях другого народа. Он высоко ценит великие перемены, происходящие в своей стране, новые победы и успехи, бесценное наследие и с той же справедливостью и честностью оценивает достижения других, без тени сомнения, являющиеся потрясающими примерами высокоразвитой человеческой цивилизации середины XX столетия.

С этой стороны взгляд, эмоции, настрой души великого поэта революции Маяковского вполне понятны и свойственны подавляющему большинству советских людей, и это, как нам представляется, явление закономерное. Если американская культура, два столетия развивавшаяся в мирной тишине, возвела сегодня такой величественный, выполненный с необычайным мастерством памятник, как Нью-Йорк, и наша Родина в своей небольшой молодой истории создала в виде фантастических чудес свои научные, технические, хозяйственные, общественные исторические памятники.

Мало назвать такие эпохальные достижения, как известные сегодня на весь мир межконтинентальные ракеты, искусственные спутники Земли, рукотворный спутник Луны, не менее впечатляюще моря, расплескавшиеся в засушливых степях и безводных пустынях, осушенные болота, освоенные, зазеленевшие обширные пустыни, заколосившиеся зерном бескрайние степи, похорошевшие и преобразившиеся большие и малые края и регионы, просветленная историческая судьба сотен народов – все это величайшие, поразительные достижения, каждое из которых сродни Нью-Йорку и является грандиозным памятником нашего времени.

Если, описывая образ Нью-Йорка, мы вспомним и все свои, не менее грандиозные успехи, станет ясно, что это тоже своеобразные, неповторимые вершины человеческой цивилизации середины XX века.

Из нью-йоркских встреч по-особенному запал в память еще один момент – наше общение со старейшим поэтом Карлом Сэндбергом. В возрасте восьмидесяти двух лет, рослый, все еще подтянутый, со свежим румяным лицом, этот седовласый старик с белыми усами своим внешним обликом напоминал некоторых литераторов и ученых, встречающихся и у нас на Родине. В ушедшем году поэт посещал нашу страну. Рассказал, что хорошо осмотрел казахский и узбекский павильоны на сельскохозяйственной выставке, проходившей в Москве. Щипачев от нашего общего имени вручил старику его переведенную на русский язык и вышедшую в свет книгу. Старый мастер принял ее с видимым удовольствием. Специально попросил Щипачева прочесть несколько своих любимых стихотворений, чтобы понять, как они звучат на русском языке.

Когда Щипачев закончил читать, Сэндберг сказал, что язык русских красив по звучанию. Мелодичным его делают звуковые созвучия, и, хотя он и не понимает смысла произнесенных по-русски слов, эти приятные звуки ласкают ему слух. Он вспомнил одну незначительную историю, связанную с советской столицей: «В гостинице “Москва” я как-то подошел и сел рядом с дежурной по этажу, а к ней вскоре присоединились несколько подружек из обслуживающего персонала. Они разговаривали о чем-то своем, и особенно часто в их речи слышалось “ага-ага-ага”; уже благодаря одним только этим звукам, напоминающим придыхание, дуновение, речь женщин как бы превращалась в песню...»

Рассказывая о своей биографии, поэт поведал, что вышел из сельской среды, свое детство, юность и даже немало дней зрелой поры провел в нищете, в тяжком положении бродяги. Ездил на поездах безбилетником, по несколько дней голодал, не находя работы и применения своим силам, многие месяцы страдал от нужды – все это он испытал на себе и сохранил в памяти. Было и в самом деле понятно, что былое отпечаталось в душе старца, словно ясно различаемый глазом рельефный узор, вдавленный в камень. Во время рассказа в облике этого доброго старика мне

почудился достигший такой же седовласой поры американский писатель Джек Лондон, особенно популярный и любимый среди наших народов. В молодости он провел такую же тяжелую жизнь и вдоволь испил чашу горя.

Поэт же, вспомнив Лондона, рассказал, что тот, разочаровавшись в жизни, подался пьянству, отчего вся его последующая жизнь была отравлена, и в возрасте сорока лет он умер.

Эти часы, проведенные рядом с преданным и верным другом нашего Отечества, старым поэтом Карлом Сэндбергом, когда мы слушали его длинный рассказ, стали для нас едва ли не самыми дорогими и памятными.

Вот так, на фоне знакомств, встреч, взаимного узнавания и общения мы провели в Нью-Йорке около недели. Теперь наш путь лежал на другой конец Соединенных Штатов, к побережью Тихого океана. Со снежного и мокрого от дождей, еще не покинутого зимой побережья Атлантики, где находятся Вашингтон и Нью-Йорк, мы собирались вылететь в край дремотного тепла, в расположенный на берегу Тихого океана штат Калифорния. Впереди у нас еще один притягивающий наши мечты большой город – Лос-Анджелес.

1960

Перевод с казахского Майры Жанузаковой

